

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Евгений Степанов (1964) – поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1981 года. Печатался в журналах «Литературный Азербайджан», «Нева», «Звезда», «Подъем», «Урал», «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

УНЦИЯ СВЕТА

Здесь-и-Там

ЗДЕСЬ Божий мир недостижим.
Едва глаза закрою –
Небесный Иерусалим
Встает передо мною.

ТАМ нет ни боли, ни обид,
Забот ни милиграмма.
Там друг убитый – не убит.
И там живая – мама.

Теперь

А пряник черств и вечен кнут,
И не могу тоски унять я.
Ну что тут скажешь: мрут и мрут
Мои советские собратья.

Ну что тут скажешь: врут и врут
Вруны из куц телеэкрана.
Ну что тут скажешь: лилипут
Теперь заметней великана.

Белка в колесе

**Машина, офис, секретарши,
Клиенты, брэнды – very well.
Я стал и денежной, и старше,
Но, кажется, не поумнел.**

**Я раньше рос, лелея зерна
Любви, и бегал по росе.
А нынче тупо и позорно
Кручусь, как белка в колесе.**

Над зимой

Холодрыга в душе, как зимою в Норильске.
Я там был как-то раз и запомнил Норильск.
Неохота, но вновь надо драться на ринге.
Ринг отныне везде, жизнь похожа на ринг.

Холодрыга в душе, и сознанию-колибри
Трудно вылететь из инкубаторских строф.
Хронос-вор у меня силы вешние стибрил.
Впрочем, этот сюжет и постыл, и не нов.

Что же делать? Взлететь над зимой, над порошей,
Над бедой, пусть она убирается прочь,
И душе неокрепшей, родной и продрогшей,
Как больному дитяти, чем можешь, помочь.

Унция света

Начинается нечто такое, чему
Ни к чему ни слова, ни дороги.
Прикоснусь – и пойму, посмотрю – и пойму.
Не пойму слишком много в итоге.

Вознесется воздушный над офисом шар,
Упадет на лепешку коровью.
Точно Дракула, кровью упьется комар.
И умрет – переполненный кровью.

А росточек, который зимою зачах,
Разомлеет в объятиях лета.
И в обычных свинцово-пунцовых глазах
Заневестится унция света.

Я покаюсь за спешку, стихи и грехи,
Я засну, как трехлетний мальчонка,
И приснится: деревня, поют петухи,
Петухи кукарекают звонко.

Сентябрь

Пришел сентябрь серьезного замеса,
Похожий на атлета Александра Засса.
И проступает лысина у леса,
И ловкий дождь на дом бросает лассо.

Кружит над дачей обреченный лист.
Жизнь оказалась штукой временной.
Но ты не хнычь, взглядишь, как налились,
Как яблоки красиво налились,

Так налились, как груди у беременной.

Взросление

Ни герой, ни ковбой, ни Отелло,
Я отныне молюсь об одном –
Чтобы дочка моя не болела,
Не кручинились мама с отцом,
Чтобы яблони в маленьком садике
Не терзала паршивка-парша.
...Персональные шрамики-ссадинки
Больше не замечает душа.

Здесь

Здесь радости не редки,
Восторг дается даром.
Здесь молодые ветки
Растут на смену старым.

Здесь горестей – как грязи,
Не все идет по плану.
Но я ни в коем разе
Трындеть о том не стану.

Из эпохи девяностых

Я мечтаю успеть, жизнь и время ценя,
Объясниться в любви тем, кто любит меня,
Тем, кто ценит меня хоть отчасти
И спасает в минуты напасти.

Объясняться в любви тем, кто хочет, как тать,
В люберецком цементе меня затоптать,
Тем, кто держит меня под прицелом, –
Не хочу. И храню парабеллум.

Слово

*«А у поэта ничего...»
Ю. Мориц*

Никаких подпорок у поэта.
Ни Фейсбук, ни Лит., ни «Литгазета»,
Никакой оплаченный пиар
Не помогут выпестовать дар.

У поэта никаких подпорок.
Только взгляд, пронзителен и зорок,
Только слово, ставшее судьбой,
И любовь, любовь само собой.

Воробей

Летит воробей, у него нет мотора,
Пропали страховка и страх.
Он смел и свободен, как Виктор Соснора
В своих непонятных стихах.
Летит воробей, он малюсенький с виду,
Но стоек и даже велик.
Летит и свою не ругает планиду,
Поет: «Чик-чирик-чик-чирик!..»

Путь

Крученных, Соснора, Айги – это путь.
Как сложно за рамки сознания шагнуть.
Как сложных избежать бессменных клише,
Как сложно сказать о вселенной-душе.
Как сложно, как важно идти наугад,
Куда остальные идти не хотят.

Способ

Я не сдался, не поник.
Боль стихает постепенно
И уходит в нужный миг
Во владения катрена.

Боль становится строкой
При посредстве Божьей воли.
...Это способ есть такой
Избавления от боли.

Влодов

Жил поэт великий Влодов.
Рядом жил поэт Уродов.

Процветал поэт Уродов.
Горе мыкал нищий Влодов.

Но стихи остались Влодова —
Не Уродова.

Сегодня

Не швыряют в дурдом нынче за палиндромы,
Не сажают в тюрьму за охапку соломы,
За кровавые три колоска.
Жизнь сегодня светла и легка.
А поэтому злиться и хныкать не надо.
Жизнь — награда.